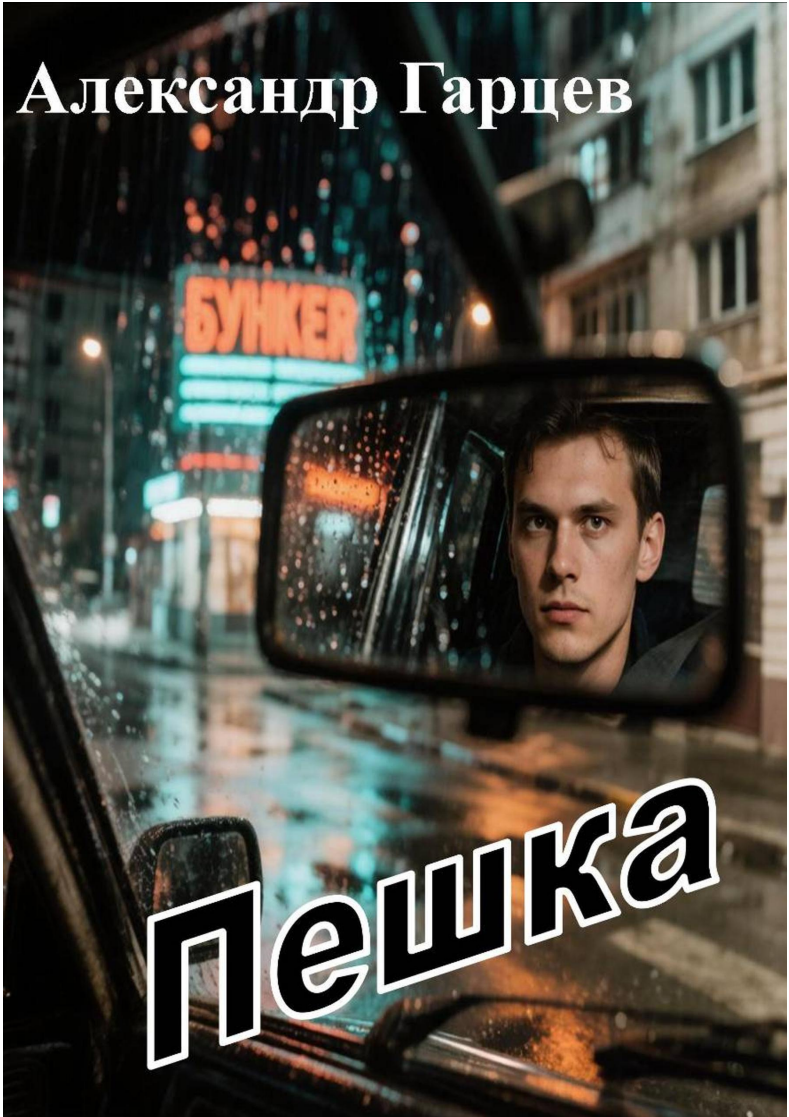

Александр Гарцев
БУНКЕР
Пешка

Александр Гарцев
Пешка

https://litres.ru/74703399
SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциальный город, август 1998 года.

До дефолта остаются считанные дни, но Юрий Фомин этого не замечает. Сын опального генерала, он мается в редакции заштатной газеты, просыпаясь с похмелья и ненавидя свою жизнь.

Чтобы перестать быть фигурой в чужих планах, Юрию придется пойти против системы, против могущественных местных воротил и, самое сложное, против самого себя.

Ему предстоит сыграть свою собственную шахматную партию, где на кону стоит не политическая карьера, а право называться человеком.

Триллер, боевик, психологическая драма с элементами детектива.

Содержание

Глава 1. Квартира 4
Глава 2. Летучка 10
Глава 3. «Бункер» 15
Глава 4. Возвращение 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Александр Гарцев
Пешка

Глава 1. Квартира

Август 1998 года плавил асфальт областного центра N. еще до того, как над девятиэтажками вставало солнце.

Юрий Фомин проснулся не от будильника, а от того, что пересохшее нёбо намертво прилипло к языку. Во рту стоял вкус застоявшегося «Жигулевского» и дешевого «Бонда» без фильтра. Он разлепил веки. Потолок в комнате цвета «испуганный беж» пошел волной, а люстра — советская тарелка из мутного пластика — казалась свинцовым дирижаблем, нависшим прямо над переносицей.

Часы на видеодвойке «Funai» показывали 09:12.

Редакционная летучка начиналась в 09:30.

В другом конце города.

Юрий застонал, перекатился на спину и уставился в потолок. Квартира, папин подарок на двадцатилетие, пахла побелкой, обойным клеем и чужим, еще не выветрившимся горем предыдущих жильцов. Двушка в панельной новостройке на самой окраине, где из окна кухни открывался величественный вид на соседний точно такой же дом и бесконечные гаражи-ракушки. Свобода. Холостяцкая берлога. На деле —

бетонная коробка, в которой эхом отдавался каждый чих.

Мамы здесь не было. Никто не клал на край тарелки салфетку и не гнал в душ, причитая, что от него пахнет «как из пивной бочки».

Он спустил ноги с дивана. Дешевый линолеум, постеленный поверх ледяной стяжки, обжег ступни. На журнальном столике, среди россыпи дискет для «двойки» и вчерашних сухариков «Кириешки», стояла недопитая бутылка «Очаковского специального». Теплого. Юрий поморщился, как от зубной боли, и потянулся за джинсами.

Процесс одевания превратился в акробатический этюд. Левая штанина никак не хотела находиться. Голова гудела, как трансформаторная будка. Вчера они с пацанами из отдела новостей отмечали уход в отпуск верстальщика Сереги. Пили в «Бункере», потом догонялись здесь. Аня... Как же ее там... Кажется, Наташа? Или Оксана? Смеялась так, что закладывало уши, и все пыталась научить его танцевать ламбаду на пятачке между диваном и телевизором. Он сбежал под предлогом покурить и больше не вернулся.

Ругаясь шепотом, Юрий натянул мятую черную футболку с логотипом «Depeche Mode», найденную на полу. Вчера она была белой. Или позавчера.

В ванной зеркало отразило чужое, опухшее лицо. Щетина пробивалась неравномерно, островами — редкий пушок на подбородке и густые, почти черные заросли на шее. Классический вид молодого провинциального интеллигента по-

сле тяжелого жизненного падения. Зубная паста кончилась. Пришлось драить зубы пальцем и содой из желтой картонки.

На кухне его ждал апофеоз одиночества. В раковине монументальной пирамидой застыла гора посуды: сковорода с присохшим луком, три граненых стакана, вилка, намертво впившаяся в засохший желток. Юрий открыл холодильник. Пустота. Только засохший кусок сыра, тронутый благородной плесенью, и банка «Балтики №9». Он взял сыр, откусил прямо от корки и, жуя, начал набирать номер редакции на дисковом телефоне, стоявшем на холодильнике.

Гудки шли долго. Наконец в трубке щелкнуло, и раздался голос Каца — главного редактора, похожий на скрежет пенопласта по стеклу:

— «Областной вестник», приемная.

— Аркадий Львович, это Фомин. Я... я тут в пробке застрял. На мосту авария, все стоит колом. Буду через полчаса.

В трубке тяжело вздохнули.

— Фомин, у тебя мост каждый день ломается. И пробка у тебя всегда персональная, от лени. Чтобы через пятнадцать минут был в кабинете. У нас ЧП, летучка экстренная. Понял?

— Понял, — убито пробормотал Юрий и бросил трубку.

Сыр показался во рту картоном. Он швырнул остаток в мусорное ведро. Опоздать на летучку к Кацу — это полбеды. Беда была в том, что сегодня должен был прийти материал. Тот самый, ради которого он и переехал от мамы. Ради ко-

торого терпел похмелье и нищету.

Юрий прошел в комнату, сел перед старым системным блоком «Вектра». Монитор мигнул, загружая «Лексикон». Пальцы привычно легли на клавиши, но работать не хотелось. Хотелось лечь обратно на диван и дождаться вечера.

Он покосился на стоявший тут же, на тумбочке, японский автоответчик «Panasonic» — еще один элемент красивой жизни, купленный на барахолке за полцены. Маленькая красная лампочка мигала, насмехаясь над его похмельем. Одно новое сообщение.

Мама. Наверняка звонила спросить, поел ли он.

Юрий ткнул кнопку воспроизведения, одновременно натягивая носки.

Сначала раздался треск. Затем — тишина. А потом в динамике зазвучал голос, от которого похмельный туман в голове мгновенно рассеялся, сменившись ледяным ознобом. Голос был лишен интонаций, сиплый, прокуренный. Голос человека, который боится собственного дыхания.

— Юрок. Это я. Полковник. Сегодня в двенадцать ноль-ноль Рябинина будут брать. Прямо в кабинете. Управление. По налогам. Папка у меня на тебя готова, лежит в камере хранения. Вокзал, автоматическая ячейка номер триста двенадцать. Ключ под ковриком у твоей входной двери. Юрок, там такое... Там не просто налоги. Там... В общем, если напечатаем, область тряхнет так, что мало не покажется. Жду звонка.

Щелчок. Гудки.

Юрий сидел на корточках перед тумбочкой. Сердце, только что бухавшее похмельным набатом, пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле.

Заместитель губернатора Эдуард Ильич Рябинин. Человек, который держит за горло весь бизнес в области. Человек, который, по слухам, держит за горло и самого губернатора.

Его будут брать.

Руки, все еще дрожащие от «девятки», потянулись к джинсам. Нужно проверить. Ключ.

Он, пошатываясь, добрел до входной двери. Дешевый дерматин, три замка — наследство от параноиков-предков. Юрий присел, отогнул потертый, пахнущий пылью коврик.

Там, на сером бетоне лестничной клетки, тускло поблескивал маленький латунный ключ.

Он сжал его в кулаке. Металл был холодным и казался тяжелее, чем должен быть.

Юрий выпрямился. Посмотрел на свое отражение в темном экране выключенного телевизора. Мятый, похмельный, с дурацкой прической.

Свободный образ жизни закончился сегодня в девять часов двенадцать минут утра.

Он перешагнул через пустую бутылку, прошел на кухню, открыл кран и долго, жадно пил теплую, пахнущую хлоркой воду прямо из-под крана.

Затем вернулся в комнату, снял трубку дискового телефо-

на и, не глядя, набрал две цифры.

— Сто. Служба точного времени, — ответил вежливый женский голос.

— Спасибо, — сказал Юрий и посмотрел на свои часы.

До двенадцати ноль-ноль оставалось два часа и сорок восемь минут. Кац со своей летучкой может подождать. Летучка подождет. А вот Рябинин — вряд ли.

Глава 2. Летучка

Здание, в котором ютился «Областной вестник», знавало лучшие времена. Лет сорок назад здесь располагался обком ВЛКСМ, и от здания до сих пор веяло казенной тоской: высокие потолки с облупившейся лепниной, широкие лестничные марши, вытертые до дыр, и тяжелый, застарелый запах мастики для полов, дешевого табака и безнадежности.

Юрий влетел на второй этаж, перепрыгивая через вторую ступеньку, ровно в 10:05. Кац ценил пунктуальность с маниакальностью прусского фельдфебеля.

Дверь в кабинет главного редактора была приоткрыта. Оттуда, как пар из перегретого котла, вырывался высокий, вибрирующий фальцет Аркадия Львовича:

— ...и где носит этого Фомина?! Где носит этого плейбоя?! У него что, папа — Рокфеллер, чтобы он на «Жигулях» не ездил?!

Юрий глубоко вдохнул, выдохнул, пригладил влажными ладонями и без того прилизанные волосы и, придав лицу выражение глубокого раскаяния, перешагнул порог.

Кабинет Каца был точной копией его внутреннего мира: тесный, заваленный бумагами и отчаянно пытающийся казаться значимым. На стене висел портрет президента в дешевой деревянной рамке, а под ним — почетная грамота «За освещение посевной кампании 1987 года». Сам Кац, похо-

жий на взъерошенного, потного воробья, стоял над перевернутым пасьянсом из газетных полос. Его лысина блестела, как начищенный медный таз, а воротник рубашки был засален на самом видном месте.

— А! — взвизгнул Кац, поворачиваясь. Его маленькие глазки за толстыми линзами очков метали молнии. — Легок на помине! Фомин, ты смерти моей хочешь? У нас в номер дыра! Ды-ри-ща! На третьей полосе дыра размером с Марианскую впадину! Где материал?! Где твоя нетленка про ветерана труда из колхоза «Светлый путь»?!

— Аркадий Львович, я как раз... — начал Юрий, пытаясь незаметно протиснуться к своему столу, заваленному старыми подшивками. — Я уточнял факты. Там с датами путаница, нельзя же так, в лоб...

— В лоб ему нельзя! — Кац схватил со стола граненый карандаш и потряс им в воздухе. — А в задницу тебе можно?! Иди сюда!

Юрий подошел, внутренне сжимаясь. Кац схватил его за локоть костлявыми пальцами и ткнул носом в пустой макет.

— Вот! Вот здесь должен быть гвоздь номера! А у тебя что? Где фактура? Где эксклюзив? Ты же обещал мне сенсацию по коммуналке! Где она?!

Юрий молча полез во внутренний карман мятого пиджака. Движение было отработанным. Он достал сложенный вчетверо лист А4, выдранный из принтера. Текст на нем был набран крупным кеглем с огромными интервалами, чтобы

создать видимость объема.

— Вот, — он протянул лист редактору. — Черновой набросок. «Тарифы на тепло: за что платит потребитель». Я там поднял архивы, сравнил с девяносто пятым годом. Получается, что при росте цен на мазут в восемь раз, тариф для населения вырос только в четыре. Это же социальная несправедливость, Аркадий Львович. Можно развить в цикл.

Кац выхватил лист, нацепил на кончик носа очки, которые до этого висели на шнурке, и забегал глазами по строчкам. Его лицо, только что багровое от гнева, начало медленно сереть. Он дочитал до конца. Посмотрел на оборот. Перевернул снова.

— Это... — прохрипел он. — Это же... вода. Фомин, это дистиллированная вода! Где фактура? Где комментарий директора теплосетей? Где плачущая старушка с квитанцией?

— Директор теплосетей трубку не берет, — соврал Юрий, глядя редактору прямо в честные, похмельные глаза. — Секретарша говорит, на совещании в обладминистрации. А старушек я поснимаю сегодня, к вечернему выпуску будут готовы. Это аналитика, Аркадий Львович. Глубокая, вдумчивая. Для думающего читателя.

Кац тяжело, со свистом выдохнул. Он знал, что материала нет. Юрий знал, что Кац знает. Но у редактора не было выбора. До сдачи номера в областную типографию оставалось три часа. Газета, некогда рупор обкома, а ныне — тощая восьмиполоска формата А3, выживала чудом.

Нищета провинциальной прессы смотрела на Юрия из каждого угла. Компьютеры — списанные из областного УВД «двойки» с матричными принтерами, которые жевали бумагу и оставляли на пальцах черную сажу. Стулья — с вылезающими пружинами. Зарплата, которую задерживали третий месяц, выдавая по пятницам макаронами с местного хлебозавода и талонами на бензин.

Кац нуждался в Юрии. Фомин, при всей своей лени и мятых рубашках, умел плести слова. Он мог превратить отчет о надое молока в драму шекспировского масштаба. А главное — он умел звонить. У него была записная книжка, которой не было ни у кого в редакции.

— Макароны, — глухо сказал Кац, падая в скрипящее кресло. — Опять макароны, Юра. Если мы не дадим в номер ничего острого, завод заберет свои площади. Нам нечем будет платить за аренду. Мы пойдем на улицу. Ты на улице работать хочешь? Под дождем?

— Нет, Аркадий Львович, — мягко сказал Юрий, забирая у него свой пустой лист. — Я зайду к теплосетям еще раз. Попробую поймать директора на выходе.

— Иди, — махнул рукой Кац, и в его голосе больше не было металла, только глухая, собачья усталость. — И Фомин...

Юрий обернулся в дверях.

— Если твой папа-генерал вдруг решит подарить тебе денег на новую машину, купи нашей верстальщице Нине картридж для «Эпсона». Черный. А то она скоро глаза на мони-

торе оставит, сводя эти полосы.

Дверь за Юрием закрылась, отсекая шум вентилятора, который гонял по редакции горячий воздух.

Он выдохнул. Пронесло.

В кармане джинсов, прижавшись к бедру, лежал холодный ключ от ячейки хранения. И этот кусок латуни жег кожу сквозь плотную ткань, напоминая, что игра в «аналитику» и «плачущих старушек» закончилась.

До двенадцати ноль-ноль оставалось сорок минут.

Глава 3. «Бункер»

Ночь с двенадцатого на тринадцатое августа 1998 года выдалась душной и абсолютно беззвездной. Город N. плавился в собственном соку. Асфальт, накопивший за день жар, теперь отдавал его обратно густыми, липкими волнами, смешивая запахи битума, подгоревшего на углях шашлыка из придорожной шашлычной и сладковатый аромат гниющих в канавах тополиных листьев. Луны не было — ее сожрала плотная, серая пелена, повисшая над панельными девятиэтажками.

Бар «Бункер» располагался в цоколе ДК «Металлург». Чтобы попасть в него, нужно было спуститься по щербатой бетонной лестнице, пропитанной запахом хлорки и пролитого пива. Дверь, обитая для звукоизоляции рваным дерматином, выпускала на улицу глухие, пульсирующие басы группы «Prodigy».

Внутри было адски тесно и темно. Синие и красные неоновые лампы, купленные по дешевке в закрывающемся видеосалоне, освещали лишь сцену, где толстый мужик в кожаной жилетке на голое тело, срывая голос, орал в микрофон «Владимирский централ».

Юрий сидел за угловым столиком, методично цедя уже третью кружку «Жигулевского». Пиво было теплым, выдохшимся, с привкусом алюминиевого бидона. Но оно было

единственным способом смыть с языка вкус утреннего страха и приглушить электрический зуд от ключа в кармане.

Он пришел сюда сразу после редакции. Не домой. Домой нельзя — там тишина, там ключ под ковриком, там нужно думать. А думать было страшно. В кармане джинсов лежала смятая салфетка, на которой убористым, почти чертежным почерком был записан адрес: ул. Промышленная, 4, строение 2, ООО «Вектор-плюс». Пустышка. Фирма-однодневка, через которую Рябинин выводил деньги за «консультационные услуги».

— Свободно?

Голос был низким, с легкой, искусственной хрипотцой.

Юрий поднял глаза. Перед столиком стояла Аня. В полумраке неонового света ее волосы казались платиновыми, а тени под глазами делали лицо хищным и взрослым. На ней была джинсовая юбка, обрезанная так коротко, что при каждом движении открывались острые колени, и черная майка, заляпанная чем-то белым — то ли краской, то ли отбеливателем.

— Я — Аня, — сказала она, не дожидаясь приглашения, и тяжело опустилась на хлипкий пластиковый стул напротив. От нее пахло «Диролом» и дешевым табаком.

— Я знаю, — хрипло ответил Юрий. — Ты за баром стоишь.

— Соображаешь, — она усмехнулась, обнажив ряд ровных, слишком белых для этого города зубов. — Скучаешь,

папенькин сынок?

Юрий дернулся. Слово ударило точно в солнечное сплетение.

— С чего взяла?

— У тебя на лбу написано, — она кивнула на его лоб, по которому от духоты стекала капля пота. — «Мама мыла раму, папа подарил хату». Взгляд у тебя растерянный. Как у щенка, которого первый раз в лужу макнули.

Она щелкнула пальцами, подзывая официантку.

— Два «Отвертки». И орешков. Соленых.

Юрий хотел возмутиться, сказать, что он не нуждается в компании, что ему нужно домой, расшифровывать папку, что завтра в двенадцать... Но вместо этого он просто смотрел, как она достает из сумочки пачку «Vogue» и закуривает, щелкнув дешевой зажигалкой «Cricket».

— Тебя Юра зовут, — сказала она, выпуская дым колечками, которые тут же рвал в клочья гул сабвуфера. — Слышала. Ты в газете пишешь. Про дороги пишешь. Скучно пишешь.

— Я пишу о том, что вижу, — огрызнулся Юрий.

— Ты пишешь о том, что тебе разрешают видеть, — она наклонилась через стол. Декольте ее майки сползло, открывая край лифчика и ложбинку ключицы. — Хочешь увидеть то, что не разрешают?

Юрий сглотнул. В горле снова пересохло.

— Я не пишу заказуху.

— А я тебе ее и не предлагаю, — Аня вдруг стала серьезной. Она достала из-под стола еще одну салфетку, такую же мятую, как и та, что лежала у него в кармане. — Я тебе предлагаю фактуру.

Она положила салфетку на край стола, придавив ее тяжелой стеклянной пепельницей.

— Знаешь складской комплекс на Промышленной? За химбазой? Там ангар есть. «Вектор-плюс» называется.

Юрий замер. Его рука, потянувшаяся за кружкой, зависла в воздухе.

— И что там? — голос прозвучал чужим, севшим.

— Там сейчас грузят коробки, — она стряхнула пепел прямо на пол. — В коробках не водка. В коробках документы. Черная касса Рябинина. За последние два года. Договоры, расписки, печати. Сегодня ночью их вывозят в область, жечь.

Она смотрела на него в упор, не мигая.

— Если успеешь до полуночи — твое. Только, Юрок, — она наклонилась еще ближе, и Юрий почувствовал запах ее духов — приторно-сладкий, химический, — лезть туда нельзя. Там охрана. Серьезные люди. Просто посиди в машине напротив, на регистратор сними, как фуры выезжают. А утром отнесешь свою кассету Кацу. Пусть старик порадуется, а то у него от макарон изжога.

Она взяла свою «Отвертку», сделала глоток и поморщилась.

— Ну что? Кишка тонка? Или папочка не велит на дядю Эдика компромат собирать?

Это был удар ниже пояса. Прямо в ту точку, где у Юрия Фомина срослись комплекс неполноценности и ненависть к отцовской опеке.

Он медленно, не сводя с нее глаз, протянул руку. Взял салфетку. Пальцы ощутили плотный картон и еще что-то — острый, режущий уголок. Аня, передавая ее, незаметно надорвала край, вложив внутрь свернутый в несколько раз тетрадный лист.

— Схема проезда, — пояснила она. — И код от задней калитки. Девять-пять-восемь.

Юрий сжал салфетку в кулаке. Пластиковый стул под ним жалобно скрипнул.

— Зачем тебе это? — спросил он.

Аня пожала острыми плечами.

— Мне скучно, Юрок. А ты забавный. Иди. А то фуры уедут, и будешь писать про надой молока до пенсии.

Она отвернулась к сцене, потеряв к нему всякий интерес, и начала вяло аплодировать мужику, который перешел с «Владимирского централа» на «Белые розы».

Юрий сидел, оглушенный. Пульс стучал в висках в такт басам «Prodigy». Он полез в карман за деньгами, чтобы расплатиться, и наткнулся на холодный ключ от камеры хранения.

Двенадцать ноль-ноль. Склад на Промышленной. Редак-

ция.

Он бросил на стол смятую сотню и, не прощаясь, пошел к выходу, на ходу нащупывая в кармане ключи от раздолбанных «Жигулей» отца.

Ночь снаружи показалась ему ледяной.

Глава 4. Возвращение

Утро четырнадцатого августа выдалось обманчиво свежим. После липкой духоты ночи небо очистилось, и низкое, еще по-летнему злое солнце било сквозь стеклянный купол вокзала, освещая клубы пыли, танцующие в лучах. Но эта свежесть была лишь предвестником осени. Она пахла не озоном, а остывающим железом, креозотом и тоской.

Юрий стоял на перроне, прячась в жидкой тени козырька пригородных касс. На нем была все та же мятая футболка, но поверх он зачем-то нацепил кожаную куртку — тяжелую, отцовскую, купленную в «Березке» еще в конце восьмидесятых. Куртка пахла старым порохом и нафталином, но давила на плечи нужным, успокаивающим весом. В кармане куртки лежала папка от «Полковника». В кармане джинсов — надорванная салфетка от Ани. Он чувствовал себя миной с двумя чеками, и обе нужно было выдернуть одновременно.

Поезд «Санкт-Петербург — N.» прибыл с десятиминутным опозданием, лязгнув сцепками так, что задрожало стекло в кассе.

Юрий вглядывался в толпу, текущую из шестого вагона. Сплошные клетчатые баулы «мечта оккупанта», усталые лица, запах копченой курицы и пота. Питерских студентов, с которыми он когда-то представлял Риту, среди них не было.

И тут он увидел ее.

Она спускалась по крутым ступеням не так, как все. Не спрыгивала на асфальт, волоча за собой сумку на колесиках, а словно стекала, придерживаясь за поручень тонкой, бледной рукой.

Рита изменилась.

Исчезла та смешливая девчонка в кедах и с вечно растрепанным хвостом, которая два года назад хохотала над его статьями в университетской многотиражке. Из вагона вышла женщина. Высокая, затянутая в строгий, графитового цвета тренч, который стоил больше, чем годовая подписка «Областного вестника». Темные волосы были острижены коротким, тяжелым каре, открывающим длинную, белую шею. Она двигалась с той ленивой, хищной грацией, которая вырабатывается только в больших городах, где каждый шаг — это часть невидимого дефиле.

Она остановилась на перроне, щурясь от бьющего в глаза солнца. Искала кого-то.

Юрий сглотнул и шагнул из тени.

— Рита.

Она обернулась. На секунду — всего на долю секунды — в ее серых глазах мелькнуло узнавание, теплота, что-то живое. Но тут же закрылось, как захлопнувшаяся стальная дверь. Лицо стало гладким, вежливым, почти фарфоровым.

— Юра? — она чуть склонила голову набок. — Ты изменился. Возмужал.

Это была ложь. Он знал, что выглядит как побитая двор-

няга рядом с породистой сеттером.

— Ты тоже, — хрипло ответил он, забирая у нее из рук небольшую, но дорогую кожаную сумку. — Тяжелая.

— Там книги, — она дернула плечом, поправляя тренч. — И конспекты.

Они пошли к выходу. Между ними висела невидимая стеклянная стена. Юрий пытался нащупать старые темы: погоду, общих знакомых, ее учебу. Но слова застревали в горле, казались мелкими, пыльными, неуместными на фоне ее идеального макияжа и запаха дорогого парфюма — горьковатого, с нотами сандала.

— Зачем ты приехала, Рит? — спросил он, когда они вышли на привокзальную площадь, где надрывались таксисты. — Сессия же в ноябре.

Она остановилась. Посмотрела на ряды желтых «Волг» и «копеек» с шашечками.

— Сессия здесь ни при чем, — она говорила тихо, но каждое слово било наотмашь. — Я приехала домой. Навсегда.

— В смысле? — не понял Юрий. — А Питер? Университет?

— Питер — это декорация, Юра, — она впервые за утро посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде не было ни капли былого обожания, только глухая, выжженная пустота. — Мой отец — не декан факультета. Мой отец — Эдуард Ильич Рябинин. И в этом городе у меня больше нет дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.